

**М.В. Лескинен. Визуальные репрезентации русскости
в Российской империи второй половины XIX — начала XX века:
в 2 кн. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 720 с.**

© 2026 г. А.Ю. Перетяtko

Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета
(Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

ArtPeretatko@yandex.ru

Ссылка для цитирования: *Перетяtko А.Ю.* М.В. Лескинен. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX века: в 2 кн. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 720 с. // *Славяноведение*. 2026. № 3. С. 128–132. DOI: 10.7868/S2949392726030093

**M.V. Leskinen. Visual Representations of Russianness
in the Russian Empire of the Second Half
of the 19th — Beginning of the 20th Centuries: In 2 Books**

© 2026. Artyom Yu. Peretyatko

Institute for Sociology and Regional Studies of Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russian Federation)

ArtPeretatko@yandex.ru

For citation: *Artyom Yu. Peretyatko.* M.V. Leskinen. Visual Representations of Russianness in the Russian Empire of the Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Centuries: In 2 Books // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2026. No. 3. P. 128–132. DOI: 10.7868/S2949392726030093

Фундаментальный двухтомный труд М.В. Лескинен «Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX века» — значимое событие в российской науке: монография не сводится к популярным в последние десятилетия исследованиям визуальных источников, но предлагает новые концепции и методы, позволяющие на их основе прийти к не доступным иным путем выводам в крайне важной, но при этом дискуссионной и политизированной теме в изучении русской идентичности.

В этой связи хотелось бы отметить определенную параллель между двухтомником М.В. Лескинен и двухтомником по истории России имперского периода, «Сценариями власти» Р. Уортмана [Уортман 2002; 2004]. Ко времени выхода книг Р. Уортмана тема власти в историографии Российской империи была одной из самых изучаемых, ей были посвящены, в частности, классические исследования П.А. Зайончковского, анализировавшего механизмы управления в имперском правительстве Российской империи второй половины

XIX в. [Зайончковский 1970; 1973]. Однако Р. Уортман показал, что даже самодержавные «русские правители и их советники считали символику и образность церемоний насущно необходимыми для осуществления власти» — и исследовал эту символику и образность как «способы», которыми «возбуждались и подерживались» чувства преданности престолу [Уортман 2002, 18].

М.В. Лескинен предложила оригинальный подход к проблеме русской идентичности. Она обратила внимание на то, что «в богатой российской историографии, посвященной формированию идей национальной идентификации во второй половине XIX в.» почти не рассматривается «внешний аспект визуальной русскости» [Лескинен 2024, 28]. Пытаясь заполнить лакуну, она решила выявить «представления о русской этничности как совокупности внешнепризнаковых элементов — “видимых”, “очевидных”, “бросающихся в глаза»» [Там же, 27–28] и, проанализировав их, выявить «невербализируемый спектр самоописания» и «не рефлекслируемую в иных формах русскую идентичность» [Там же, 28]. Иными словами, М.В. Лескинен предложила проанализировать не только высказывания о русской идентичности в имперский период, но и ее визуализацию.

Понятно, что первая попытка исследования столь новой и обширной тематики методологически очень сложна. Некоторые решения, принятые М.В. Лескинен в рамках ее исследования, представляются дискуссионными. Прежде всего, это относится к подборке рассматриваемого материала: фактически М.В. Лескинен обращается преимущественно к светским и столичным авторам; отсутствует рассмотрение русской национальной оперы, возникшей как раз в XIX в. В то же время нельзя не признать, что анализ всех областей, в которых во второй половине XIX — начале XX в. визуализировалась русская идентичность, едва ли под силу одному исследователю. Тем не менее, думается, корректнее рассматривать сделанные М.В. Лескинен выводы как относящиеся не к некоей универсальной, общепринятой в Российской империи «русскости», а только как к одной из версий «русскости», пускай и наиболее распространенной, принятой светской имперской элитой (в этом плане, кстати, более удачен подход Р. Уортмана, который не претендовал на описание всех сценариев власти в Российской империи, а сконцентрировался только на сценариях власти российских императоров).

Однако М.В. Лескинен удалось показать, что анализ визуальных репрезентаций русской

идентичности действительно позволяет открыть такие ее особенности, которые не были отрефлексированы и сформулированы в письменных источниках. В двухтомнике рассмотрены такие сюжеты, как визуализация русского антропологического типа; репрезентация Российской империи на Всемирных выставках; русский национальный костюм и его использование Российской империей; маскарады, связанные с русской историей и культурой; поиски «истинной русскости»; визуальные репрезентации России.

Обратимся к описанию одной из выявленных М.В. Лескинен особенностей, чтобы продемонстрировать, насколько возможно, логику ее исследования. Из приведенного выше списка видно, что большое внимание уделяется маскарадам. На первый взгляд это странно: русская идентичность обычно не вызывает прямых ассоциаций с маскарадом. Однако при внимательном чтении книги становится ясно, что именно маскарадность — важнейший элемент того варианта «русскости», который исследует М.В. Лескинен.

Тема стилизации, подмены регулярно появляется в частях и разделах, маскарадам специально не посвященным. Ограничимся одним ярким примером, интересным также в контексте истории формирования совершенно ошибочных образов России, так называемой «клюквы». Вообще в российском научном дискурсе появление «клюквы» зачастую связывают с предубеждениями и некомпетентностью негативно писавших о России иностранцев (см., например, [Моисеенко 2010, 72–78]). Между тем, как видно из книги М.В. Лескинен, свой вклад в формирование подобных образов России вносили и ее подданные/граждане, и даже ее официальные лица.

Например, бурное обсуждение в прессе вызвала изба, построенная владимирскими плотниками для Парижской выставки 1867 г. [Лескинен 2024, 139]. Возмущались неаутентичностью избы, вероятно, идеализировавшей быт русских крестьян. «Изба — не изба, дворец — не дворец, а что-то придуманное, сочиненное, вылакированное и пейзажное», — писал В.В. Стасов [Там же, 142]. Профессиональный архитектор Л.В. Даль, откровенно издеваясь, пересказывал французского автора: «“L’izba” приятно напоминает ему швейцарский домик. [...] Пейзана, если не катаются на дрожках или кибитках, сидят мирно в одном углу избы и играют в лото или домино (игры, очень распространенные в России), между тем как пейзажки с белоснежными плечиками говорят между собой или поливают свои прекрасные цветы» [Там же, 141]. То есть русская изба на

Парижской выставке, стилизованная в идиллически-пейзанской манере, оказывается, по существу, маскарадом. И, как отмечает М.В. Лескинен, в дальнейшем на Всемирных выставках при строительстве русских павильонов использовались *стилизованные* мотивы допетровского зодчества. Подобный маскарад совершенно не уникален: разве не маскарадом по сути является описываемый М.В. Лескинен нереализованный проект «переодеть всех чиновников Российской империи в охабни и кафтаны?» [Там же, 281].

Причина этой маскарадности выявляется в разделе, посвященном собственно маскарадам: представители российской придворной аристократии стремились хотя бы иногда выглядеть русскими — но обычная одежда простонародья их не устраивала. Основываясь на работах предшественников, М.В. Лескинен приходит к выводу, что достаточно широко представленные на портретах 1770–1790-х годов «русские костюмы» уже тогда были не аутентичными простонародными и не аутентичными историческими, но представляли собой стилизацию, причем выполненную из дорогих тканей [Там же, 328]. Таким образом, уже начиная с XVIII в. под «русским» в визуальной сфере понималось не что-то типичное для большинства русских в настоящем или прошлом, но стилизованный и идеализированный конструктор.

В этой связи особенно показательна — и разоблачительна — введенная Екатериной II практика проведения больших маскарадных балов в Зимнем дворце, на которые допускались представители недворянского сословия, а в качестве маскарадных использовались русские костюмы. Как отмечает М.В. Лескинен, маскарадными эти балы фактически были только для знати, в то время как представители прочих сословий часто просто являлись в праздничной или даже повседневной одежде [Там же, 326–327]. Следовательно, само ношение русского костюма, естественное для низших сословий, для элиты Российской империи оказывалось маскарадом.

Более того, начиная с екатерининских времен известны случаи недовольства придворных присутствием на подобных балах людей, для которых ношение русского платья было естественным. Причиной недовольства оказывалось обычно незнание этикета, включая маскарадный [Там же, 327]. Недовольство современников могло вызывать даже то, что представители низших сословий были одеты в более-менее аутентичный костюм и вели себя обычным образом: «Купцы, встречаясь не только с Государем, но и с генералами, схватывали с

головы своей шляпу... а купчихи были и тут залитые бриллиантами!» [Там же, 340].

Отметим, что М.В. Лескинен показала: «русскими» в глазах элиты Российской империи были не только аутентичные народные одежды, но и специально сшитые в качестве «русских» стилизованные наряды, причем именно они представлялись наиболее уместными. Здесь мы наблюдаем ту же логику, по которой реальные крестьянские избы переплотились в стилизованную «L'izba» на Парижской выставке. И поэтому вполне логично, что заключительная и концептуально наиболее важная часть первого тома книги М.В. Лескинен называется «Переодевание как игра всерьез: маски и лики русской монархии эпохи модерна»: поиски «истинной русскости» превратились в своеобразный маскарад, так как имперская элита предпочитала подменять своими идеализированными представлениями не только русские избы и русский костюм, но и сам русский народ.

М.В. Лескинен связывает представления о «русскости» на финальном этапе существования Российской империи с «ретроспективной консервативной утопией» [Там же, 630]. Для этой утопии характерны представления не только о существовавшем в прошлом золотом веке, но и о том, что ««золотой век» порождает и идеального человека, в котором заключены те черты облика и нравственные добродетели и совершенства, которыми наделяется национальный тип» [Там же, 631]. Понятно, что в рамках подобной картины мира искать полноценную, подлинную «русскость» в настоящем бессмысленно. Она была разрушена когда-то в прошлом, причем, как отмечает М.В. Лескинен, обычно это разрушение приписывалось неким чужеродным влияниям [Там же, 631]. Ключевым оказывался выбор эпохи «золотого века» и тех ее качеств, которые акцентировались как идеальные. Как показывает М.В. Лескинен, при последних Романовых в качестве «золотого века» позиционировалась «вторая половина XVII в.», которой приписывалась «гармоничная бесконфликтность» [Там же, 632].

И здесь мы переходим к наиболее значимым выводам книги. С точки зрения М.В. Лескинен, консервативная утопия к периоду правления Николая II стала «утопией бегства» [Там же, 633]. Исследовательница обращается к положениям Е. Шацкого: «Современность может здесь осуждаться с величайшим пафосом и резкостью, но на практике с ней не борются, бегут от нее в область мечты. Указывается, что такое добро; не указывается, как его можно достичь. Указывается, в чем состоит зло; не указывается, как заменить его добром»

[Там же, 633]. Но что такое маскарад, если не бегство в «область мечты»? В рамках описываемого М.В. Лескинен варианта русской идентичности маскарад для сановника начала XX в. становится единственным способом хотя бы на время превратиться в боярина или воеводу «идеального» XVII в. Поэтому логично, что целый раздел книги М.В. Лескинен посвящен собственно историческим маскарадам, проводившимся при последних Романовых, в которых преобладала тематика Московского государства XVII в., а на балах 1903 г. практиковалось прямое «перевоплощение» в исторических персонажей (так, Николай II изображал Алексея Михайловича и даже хотел в таком виде явиться иностранным дипломатам) [Там же, 513–514].

Почему, однако, рассматриваемая М.В. Лескинен утопия, связанная с «русскостью», превратилась в эскапистскую? Исследовательница выделяет целый ряд причин. Наиболее значимым представляется указание на тот факт, что русская консервативная утопия второй половины XIX в. в конечном счете обрела черты мифа, требовавшего не просто идеализации прошлого, но возврата в него [Там же, 634]. Иными словами, прошлое, выступающее эталоном «русскости», идеализировалось настолько, что в качестве единственного возможного способа достижения «истинной русскости» рассматривалась не адаптация этого прошлого к современным реалиям, а его полное воссоздание в наиболее значимых аспектах. В рамках подобной консервативной утопии, как показывает М.В. Лескинен, идеалом, к которому следовало стремиться, служило «патриархальное единение монарха и народа-крестьянства», причем интеллигенция, буржуазия и т.п. должны были вернуться в лоно народа [Там же, 635].

Понятно, что на практике подобный идеал оказался нереализуем, великая держава XIX–XX вв. просто не могла существовать без буржуазии и интеллигенции. М.В. Лескинен обращает внимание и на другой важный факт: реальные русские крестьяне сильно отличались от идеализированных представлений о них, бытовавших в российском обществе, — разница была такой масштабной, что исследовательница даже пишет о «крахе» в 1880-е годы

«комплекса представлений о русскости как о народности», основанных как раз на идеализации крестьянства [Там же, 635]. Следовательно, в последние десятилетия существования Российской империи утопия «русскости» лишилась опоры: выяснилось, что важнейший ее элемент, идеализированный народ-крестьянин, единый со своим монархом и способный поглотить менее лояльные власти социальные группы, просто не существует в современном мире.

Оставалось только играть в прекрасную, но не реализуемую в современных условиях «русскость», осознанно или бессознательно избегая контактов с реальными крестьянами (и веря, что в XVII в. они были совсем иными). М.В. Лескинен отмечает, что всего за десять дней до отречения Николай II осматривал новые стилизованные под старину постройки в Федоровском городке, и пишет по этому поводу: «Утопизм диктовал не только мирозерцание, он диктовал решения и поступки. Желание укрыться в прошлом, переместиться в красивую картинку сочеталось с полным уходом от реалий жизни столь любимого народа» [Там же, 636].

Таким образом, М.В. Лескинен удалось вскрыть важнейшую особенность того варианта русской идентичности, который был характерен для российской имперской элиты XIX — начала XX вв. Этот вариант «русскости» оканчивается теснейшим образом связанным со стилизацией и маскарадом — однако сами носители подобной идентичности воспринимают маскарад как «игру всерьез», а не как некую подделку или искажение. Более того, на финальном этапе существования этого варианта «русскости» маскарад становится важным средством не простого бегства от действительности, но бегства именно в эпоху, где якобы существовала подлинная «русскость», позднее ставшая недостижимой. Выявить эту особенность на любом материале, кроме визуального, едва ли возможно — и в книге М.В. Лескинен впервые показано, как можно работать с подобным материалом, а также сделаны выводы, позволяющие взглянуть на русскую идентичность элиты Российской империи с принципиально нового ракурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 442 с.
Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.
Лескинен М.В. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.: в 2 кн. М.: Кучково поле Музеон, 2024. Кн. 1. 720 с.
Моисеев В.А. «Правдивость» Астольфа де Кюстина и «Развесистая клюква» Александра Дюма: градостроительный аспект двух градостроительных мифов // Интеграция образования. 2010. № 3. С. 72–78.

- Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 605 с.
- Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. 796 с.

REFERENCES

- Leskinen M.V. *Vizual'nyje reprezentatsii russkosti v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: v 2 kn.* Moscow, Kuchkovo pole Muzeon, 2024, book 1, 720 p. (In Russ.)
- Moiseenko V.A. «Pravdivost'» Astol'fa de Kiustina i «Razvesistaia kliukva» Aleksandra Diuma: gradostroitel'nyi aspekt dvukh gradostroitel'nykh mifov. *Integratsiia obrazovaniia*, 2010, no. 3, pp. 72–78. (In Russ.)
- Wortman R.S. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii: v 2 t.* Moscow, OGI, 2002, vol. 1, 605 p. (In Russ.)
- Wortman R.S. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii: v 2 t.* Moscow, OGI, 2004, vol. 2, 796 p. (In Russ.)
- Zaionchkovskii P.A. *Rossiiskoje samoderzhavije v kontse XIX stoletii.* Moscow, Mysl', 1970, 442 p. (In Russ.)
- Zaionchkovskii P.A. *Samoderzhavije i russkaia armii na rubezhe XIX–XX stoletii, 1881–1903.* Moscow, Mysl', 1973, 351 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Перетяtko Артём Юрьевич

кандидат исторических наук
заведующий научной лабораторией
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2779-2223
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Information about the author:

Artyom Yu. Peretyatko

PhD (History), Head of the Science Laboratory
Institute for Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2779-2223
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru